

В детстве взрослым дяденькой, Маяковский Володя,
Вы мне казались, громогласным и длинным.
Годы пробежали, и теперь вот вроде
Смотрю я на Вас, как будто на сына...

К юбилею Вашему фильм вышел —
«Маяковский. Два дня».
И, как будто камнепадом с крыши,
Опрокинулся этот фильм на меня.
Вы там много курите, громогласный, упёртый,
К тому ж ещё и бабник, не меньше:
Внебрачные дети, и не раз аборт
Делали от Вас разные женщины.

«Целую тебя тысячу раз, а Оську — восемьсот», —
Из письма семье вскриком.
Очень странная семья у Вас, вот:
Трое вместе с Лилей и Бриком.
«Хочу автомобильчик!» — «Вы, Лиля, даёте!» —
«В жуткой моде теперь автомобили!»
И Вы, Маяковский, из Парижа везёте,
«Рено» — автомобильчик для своей Лили.

Нет, в личной жизни было не до жиру Вам:
Бриков «сладкая парочка» Вами дирижировала.

Но Вы, Володя, чище, Вы — ранимы!
Сейчас Вы от нас всё дальше и дальше,
Но поэтом гениальным неоспоримо
Можно назвать Вас без всякой фальши.

Плакаты РОСТА, лесенки строчек,
Пьесы, поэмы «про то и про это» —
Это огромная работа грохочет
Мощным голосом пролетарского поэта.

Ах, если бы можно сделать, чтоб
Не было вовсе нажатия курка!
Но не нашлась на усталый Ваш лоб
Прохладная, лёгкая любящая рука...

А впрочем, что может женская рука
Против вездесущей и всеильной ЧК?

***

Чадит свеча моей души,
Ей кислорода не хватает,
И этот горький чад витает
Над головой моей в тиши.

То полубред, то полусон
В ночи и вязкой, и горячей.
Ах, если б всё переиначить,
Но не вернуть былых времён.

Тут хоть кричи, хоть не кричи...
Хоть волком выть, хоть застрелиться!
А двадцать первый век стремится
Созреть, как яблоко в ночи.

***

Наше прошлое нас
От себя никогда не отпустит:
Через сердце проходят
Упругие струны любви.
Но закон бытия
И суров беспощадно, и грустен —
Ничего никогда не вернётся,
Зови — не зови.

Не вернуть этих лет,
Что умчались, как белые птицы,
Лепестками черёмух
Тропинки любви замело,
В тихой речке у плёса
Струится другая водица,
Всё ушло, всё прошло
И травой-муравой поросло.

***

Я существую в очень странном мире,
Где параллельные мечтают пересечься,
А векторы направлены лишь в точку,
Куда влечёт центростремительный полёт.
Там в треугольниках углов всего лишь по два,
А катеты равны гипотенузам,
Никто не слышал имени Евклида,
Царит там геометрия Любви.

***

В тайниках твоей души летаю смело я,
Ты, по-моему, не против, так мне кажется.
И кому, да и какое, всё же дело есть,
Если что-нибудь у нас с тобой завяжется?
Ты снабдил меня прибором навигации,
И я этим беспардонно очень пользуюсь.
Ах, когда же расцветут опять акации?
В их цветенье, несомненно, много пользы есть.

***

Зачем в любви своей зависла я
И рвусь к тебе мгновенье каждое?
«Забудь его, будь независима!» —
Твержу себе не раз, не дважды я.
Но сердце телеграммы разума
Читать не хочет в опьянении.
Любовь — не зуб, не вырвем разом мы.
Опять штормит, без прояснения...

ВРЕМЯ ГЛОТАЕТ ЖИЗНИ...

Ното homini lupus est*.

Плавт, древнеримский комедиограф

Время глотает жизни
Чёрной своею пастью.
Делать нам что, скажи мне,
С этой лютой напастью?

Лица юных и нежных
Сетью морщин покрылись,
Любим не так, как прежде:
Чувства поизносились.

Как бы удачен ни был,
Как бы судьба ни бдела,
Времени, или небу,
Нет до тебя дела.

Жёстки законы мира,
Просты они и сложны.
Бряцай — не бряцай лирой,
Их изменить невозможно...

Копий ломать не надо,
Вот она — соль века:
Будь, до последнего взгляда,
Не волком, а человеком!

Я, МОЙ СЫН И ВИОЛОНЧЕЛЬ

В тот год, когда я пошла в третий класс, родители решили отдать меня в музыкальную школу. Экзамен я сдала успешно: звонко спела любимую песенку «То берёзка, то рябина...», отстучала карандашом заданные ритмы, определила, сколько ноток прозвучало в аккорде, и так далее. После экзамена маму пригласил к себе директор музыкальной школы.

— Мы, разумеется, принимаем вашу девочку, но хотели бы предложить ей учёбу не в классе фортепьяно, а в классе виолончели. Девочка достаточно высокая, с хорошим музыкальным слухом, а главное — кисть руки широкая и сильная. Подумайте, пожалуйста.

Родители были озадачены, но всё же отдали меня на фортепьяно. Отец был военным моряком, и, переезжая из одного города в другой, переводя нас, детей, из школы в школу, а меня из одной музыкальной в другую, мама говорила мне: «Хорошо, что отдали тебя тогда на фортепьяно. В этой школе опять нет класса виолончели...»

В тот год, когда мой сын пошёл в третий класс, мы, по традиции, решили отдать его в музыкальную школу. Экзамен он сдал хорошо, а после экзамена меня пригласил директор музыкальной школы. Он сказал, что класс фортепьяно переполнен, но мальчик способный, и его принимают в класс виолончели.

— Мальчик достаточно высокий, с хорошим музыкальным слухом, а главное, кисть руки — широкая и сильная.

«Генетику, видимо, ещё не отменили», — подумала я и, так как у меня выбора не было, согласилась.

Сначала всё шло неплохо. Сыну выдали небольшую детскую виолончель, и мы с ним начали осваивать премудрости виолончельной игры. Кстати, я впервые узнала, что игра на скрипке или виолончели гораздо сложнее игры на пианино, где есть клавиши, или на гитаре, например, где есть порожки — и всем понятно, где находится, предположим, нота до первой октавы. А здесь местонахождение каждого звука определялось по слуху, что нелегко. И всё же были первые успехи. К одной маленькой пьеске мне удалось разучить аккомпанемент. Нам очень нравилось, когда сын играл, а я аккомпанировала, получалось — как на настоящем маленьком концерте.

Однако время шло, ребёнок рос, и постепенно в нём начал проявляться настоящий характер не мальчика, но мужа, который знает, чего он хочет гораздо лучше, чем его собственная мама. Сын хотел играть в солдатики, рисовать танки и самолёты, наклеивать на тетрадные листы вырезанные из журналов фотографии мотоциклов и автомобилей, а вождение смычком по струнам представлялось ему чем-то совершенно необязательным. Начались споры, ссоры, отказы от занятий, и когда наконец он со слезами начал мне кричать: «Как я ненавижу эту деревянную дуру!» — я поняла, что тиранить и дальше единственного отпрыска, пожалуй, смысла не имеет. Занятия были прекращены... Я ещё раз подумала, что генетику никто не отменял: мои занятия в музыкальной школе трудно было назвать очень усердными. Правда, я всё же её закончила. Но ведь девочки более усидчивы и уступчивы, чем мальчики.

Годы бегут. Я иногда бываю на симфонических концертах, и когда перед началом на сцену выходят музыканты, с особым вниманием жду я появления виолончельной группы. Вот они идут, неся свои большие красивые инструменты. Я радуюсь им как родным. Ещё бы! Ведь мы с сыном чуть было не стали виолончелистами.